

Константин Душенко

**«НАУКА НЕ ИМЕЕТ ОТЕЧЕСТВА» –
ИЛИ ВСЕ ЖЕ ИМЕЕТ?**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, kdushenko@nln.ru*

Аннотация. Сентенция «Наука не имеет отечества» появилась в Европе в первые десятилетия XIX в. Оспаривалась она в крайне редких случаях, хотя к исторической науке применялась не без оговорок. В поздне сталинском СССР это высказывание оказалось под запретом как проявление «махрового космополитизма».

Ключевые слова: популярные цитаты; история науки; киноцензура в СССР; академик И.П. Павлов; Л. Пастер; Хэмфри Дэви; Альфред Наке.

Поступила: 22.06.20

Принята к печати: 06.07.20

Konstantin Dushenko

«Science knows no country» – or does it?

*Institute of Scientific Information in Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kdushenko@nln.ru*

Abstract. The maxim «Science knows no country» appeared in Europe in the first decades of the 19 th century. It was disputed in extremely rare cases, although in relation to historical science it was used with reservations. In the late Stalinist USSR, this saying was banned as a manifestation of «arrant cosmopolitanism».

Keywords: popular quotes; history of science; cinema censorship in the USSR; academician I.P. Pavlov; L. Pasteur; Humphrey Davy; Alfred Nake.

Received: 22.06.20

Accepted: 06.07.20

В феврале 1949 г., в самый разгар борьбы с «бездонными космополитами», на экраны вышел биографический фильм «Академик Иван Павлов» (реж. Григорий Рошаль, автор сценария Мих. Папава). Год спустя фильм удостоился Сталинской премии I степени. В одном из эпизодов действие происходит в холодном и голодном Петрограде 1919-го. Заезжий американец предлагает ученому переехать на благополучный Запад: «Для человечества неважно, где вы будете работать». – «Нет, сударь мой, важно! – кричит возмущенный Павлов. – Наука имеет отчество! И ученый обязан его иметь».

Однако в сценарии, опубликованном за полгода до премьеры фильма, реплика Павлова звучит по-другому: «Наука *не имеет* отечества, но ученый обязан его иметь!» (курсив наш. – К. Д.) [Папава, 1948, с. 114]. Именно так цитировались слова Павлова в «Новом мире» уже после выхода фильма в прокат [Голубов, 1949, с. 237]. Литературный сценарий был подправлен лишь задним числом [Папава, 1951, с. 242].

Учитывая нескорый производственный цикл тогдашнего советского кино, можно полагать, что реплику поменяли при озвучке фильма. Но почему? Да очень просто: тезис «Наука не имеет отечества» был осужден как проявление махрового космополитизма. Например:

«Авторы этих руководств по истории медицины пытались доказать, что “наука интернациональна”, что у науки нет отечества. Эти махровые буржуазно-космополитические взгляды насаждались в буржуазной историко-медицинской литературе, стремившейся принизить роль и значение наших отечественных ученых в медицинской науке» [Петров, 1949, с. 5].

Пьесу К. Симонова «Чужая тень» хвалили за то, что в ней «раскрывается подлинный смысл преклонения перед иностранными авторитетами, выявляется смысл теории о том, будто “наука не имеет отечества”». А смысл этот в том, чтобы «подорвать рост советской науки и дать возможность науке империалистов использовать открытия советских ученых в своих человеконавистнических целях» [Трифонова, 1950, с. 176].

Между тем сентенция, вложенная в уста Павлова в первоначальном варианте сценария, принадлежала Луи Пастеру. Она взята из его

речи при открытии Института Пастера в Париже 14 ноября 1888 г.: «Если наука не имеет отечества, то ученый должен его иметь, и то значение, которым могут пользоваться в мире его труды, он должен относить как раз к своему отечеству» [Pasteur, 1939, p. 403].

Ту же мысль Пастер дважды выразил ранее:

«Наука не имеет отечества, потому что знание – это наследие всего человечества, факел, освещдающий мир. Наука должна быть высшим воплощением отечества, потому что из всех людей один всегда будет первопроходцем, тем, кто первым одолеет нелегкий путь мысли и разума. Будем же бороться на мирном поприще науки за превосходство своих отечеств. Будем бороться, потому что борьба – это усилие, борьба – это жизнь, борьба – это прогресс» (тост на банкете в Милане 12 сентября 1870 г. по случаю международного съезда шелководов) [Pasteur, 1939, p. 292].

«Наука не имеет отечества, или, вернее, ее отечеством является все человечество. <...> Но если наука не имеет отечества, то ученый должен заниматься всем тем, что может принести славу его отечеству. В любом великом ученом вы всегда найдете великого патриота. Мысль о том, что он трудится во славу своей страны, служит ему опорой в его долгих усилиях» (речь 10 августа 1884 г. на международном съезде врачей в Копенгагене) [Pasteur, 1939, p. 375].

Тезис об интернациональной сущности науки и раньше связывался прежде всего с Францией. Именно здесь в XVII в. появилось выражение «*La République des lettres*» – «Республика ученых», означавшее наднациональное сообщество интеллектуалов. В 1843 г. датский химик Бернхарт Леви (1817–1863) назвал свое выступление в парижской Академии наук «честью, которой у меня было бы столь мало права требовать, особенно в качестве иностранца, если бы речь не шла о стране и собрании, которое более любого другого вправе сказать, что наука не имеет отечества» [Lewy, 1843, p. 426].

И все же впервые сентенция «Наука не имеет отечества» появилась, вероятно, в Англии. В 1825 г. Лондонское королевское общество наградило француза Франсуа Араго медалью за исследование магнетизма. Отмечая его заслуги, химик Хэмфри Дэви (1778–1829), президент Королевского общества, высказался против «возвышения одной нации за счет принижения другой»:

«Как в торговле, так и в науке, ни одна страна не может достичь действительно выдающихся успехов иначе, как извлекая выгоду из

потребностей, ресурсов и богатства своих соседей. <...> К счастью, наука, как и природа, которую она изучает, не ограничена ни временем, ни пространством. Она принадлежит всему миру и не имеет ни отечества, ни возраста [science <...> is of no country and no age]» [Davy, 1827, p. 116].

В 1868 г. химик Шарль Адольф Вюрц (1817–1884), уроженец Эльзаса, член парижской Академии наук, опубликовал «Вступительный очерк» к «Истории химической науки». Очерк начинался со слов: «Химия – французская наука. Она была основана бессмертным Лавуазье» [Wurtz, 1868, p. I].

Альфред Наке (1834–1916), химик и леворадикальный политик, резко раскритиковал подобный подход:

«Оставим шовинизм сфере политики – откуда самое время его изгнать – и остережемся вводить его в область науки. Наука не имеет отечества, и называть химию французской наукой столь же неточно, как называть физику итальянской наукой, а патологию – наукой немецкой. <...> Основатель науки, если таковой вообще существует, не создает науку в целом. Немцы, установившие закон эквивалентов; англичане, открывшие атомную теорию; шведы, в особенности Берцелиус, которые открыли столько химических элементов, впервые точно измерили атомный вес простейших частиц и ввели символы элементов, сделали для создания химии столько же, сколько Лавуазье, если не больше» [Naquet, 1869, p. 98–99].

Немецкий химик Герман Колбэ сочувственно процитировал это суждение в лейпцигском «Журнале практической химии» [Kolbe, 1872, S. 23].

Следует помнить, что французское и английское ‘science’ (наука) долгое время относились преимущественно к точным и естественным наукам; гуманитарные науки проходили по ведомству широко понимаемой «философии» и отчасти – словесности. Французский историк и критик Ипполит Тэн говорил, имея в виду историческую науку: «Философия не имеет отечества; национальные пристрастия оживляют стиль, но сужают мысль» («Опыт о Тите Ливии», 1856) [Taine, 1856, p. 21].

За 17 столетий до Тэна древнегреческий сатирик Лукиан писал: «...Да будет мой историк таков: бесстрашен, неподкупен, независим, <...>, чужестранец, пока он пишет свой труд, не имеющий родины, не

знающий никакого закона, кроме самого себя <...>» («Как следует писать историю», 41; курсив наш. – К. Д.) [Лукиан, 2001, с. 94].

В эпоху Просвещения эту мысль повторил Франсуа Фенелон: «Хороший историк не принадлежит к какому-либо времени или к какой-либо стране: хотя он любит свою страну, он никогда ни в чем ей не льстит. Французский историк не должен склоняться (*doit se rendre neutre*) ни к Франции, ни к Англии» («Проект трактата об истории», 1714) [Fénelon, 1716, р. 119–120].

Видный французский историк Фюстель де Куланж (1830–1939) противопоставил отношение к исторической науке во Франции и Германии:

«Мы во Франции исповедуем, что наука не имеет отечества; немцы решительно защищают противоположный тезис. “Неверно, — писал один из их историков, г-н Гизебрехт, — будто наука не имеет отечества и парит над границами: наука должна быть не космополитической, а национальной, она должна быть немецкой”. Все немцы исповедуют культ отечества, и они понимают слово “отечество” в его истинном смысле: это *Vaterland, Terra Patrum*¹, земля предков <...>. Они любят это прошлое и уважают его прежде всего. <...> В отличие от нас, охотно взирающих на свое прошлое ненавистным взглядом, они лелеют и почитают все, что было немецким. <...> Они восхищаются даже варварством своих предков. <...> Ученость во Франции либеральна, в Германии — патриотична» [Fustel de Coulanges, 1872, р. 245].

Следует заметить, что слова Вильгельма Гизебрехта (1814–1889) изложены здесь весьма вольно. В речи, прочитанной в Баварской академии наук 28 марта 1867 г., Гизебрехт говорил:

«Говорят, что наука не имеет отечества и у нее мало общего с патриотическими чувствами. Это суждение, будучи правильно понято, выражает неоспоримую истину; но, как мне кажется, столь же бесспорно то, что немецкая историческая наука победила только благодаря патриотической силе, которую она ныне будит и приводит в движение» [Giesebrrecht, 1867, S. 3].

В англоязычной литературе нередко цитировалось двустишие из поэмы Чарльза Черчиля «Россиада» (1761):

¹ Отечество, Земля Отцов (нем., лат.).

Гений не имеет отечества [Genius is of no country]; его чистый луч
Освещает весь мир, как сияние дня [Churchil, 1761, p. 4].

(Здесь имелись в виду прежде всего драматурги-елизаветинцы – Шекспир и Бен Джонсон.)

Подобного рода высказывания стали обычными с середины XIX в., например: «Великие художники не имеют отечества» (*«Les grands artistes n'ont pas de patrie»*) (Альфред де Мюссе, драма «Лоренцаччо» (1834), I, 5) [Musset, 1840, p. 75].

Между тем в советском переводе, опубликованном в 1957 г. [Мюссе, 1957], эта фраза опущена – что можно объяснить только редакционной цензурой. По всей вероятности, перевод был подготовлен к печати, когда редакторы боялись всякого намека на «космополитизм».

Во Франции афоризм де Мюссе был оспорен в годы Первой мировой войны, когда националистические настроения накалились добела. Композитор Камиль Сен-Санс в серии памфлетов «Германофилия» подверг критике немецкую культуру в целом. В первом из этих памфлетов он заявил: «Если искусство и не имеет отечества, то художник имеет» (*«L'echo de Paris»*, 19 сентября 1914 г.) [Saint-Saëns, 1916, p. 21].

Из высказываний русских авторов на эту тему наиболее известно чеховское: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука» (*«Записная книжка»*, 1891–1904) [Чехов, 1980, с. 37].

Понятно, что эти слова благоразумно не цитировались в эпоху борьбы с «бездонным космополитизмом».

Список литературы

Голубов С. Наука и революция: [О сценарии М. Папавы «Академик Иван Павлов»] // Новый мир. – М., 1949. – № 9. – С. 235–237.

Лукиан Самосатский. Как следует писать историю / пер. С.В. Толстой // *Лукиан Самосатский. Сочинения.* – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 81–99.

Мюссе А. де. Избранные произведения: в 2 т. / пер. с фр., ред. А.В. Федорова. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 1. – 621 с.

Папава М. Академик Иван Павлов: Литературный вариант сценария // Звезда. – М., 1948. – № 8. – С. 87–135.

Папава М. Академик Иван Павлов // Избранные сценарии советского кино. – М.: Госкиноиздат, 1951. – Т. 6. – С. 195–278.

Петров Б.Д. О преподавании теории советского здравоохранения // Советское здравоохранение. – М., 1949. – № 6. – С. 3–6.

Трифонова Т. Знаменосцы мира и демократии // Звезда. – Л., 1950. – № 10. – С. 169–177.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 17. – 528 с.

Churchill C. The Rosciad. – Dublin: [Unknown publisher], 1761. – 22 p.

Davy H. Six Discourses Delivered Before the Royal Society at Their Anniversary Meetings. – London: J. Murray, 1827. – 148 p.

Fénelon F. de. Projet d'un Traité sur l'Histoire // *Fénelon F. de.* Reflexions sur la grammaire, la rhetorique, la poetique et l'histoire. – Paris: J.B. Coignard, 1716. – P. 119–138.

Fustel de Coulanges N.D. De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans // Revue des deux mondes. – Paris, 1872. – Т. 101, 1 septembre. – P. 241–251.

Giesebrecht W. von. Über einige ältere Darstellungen der deutschen Kaiserzeit: Vortrag in der öffentlichen Sitzung der kgl. Akademie der Wissenschaften am 28. März 1867. – München: Akademische Buchdruckerei von F. Straub, 1867. – 21 S.

Kolbe H. Ein unbefangenes französisches Urtheil // Journal für praktische Chemie. – Leipzig, 1872. – Bd 5, 1 Heft, 9. Februar. – S. 23–27.

Lewy B. Recherches sur la composition de l'air atmosphérique: Mémoire lu à l'Académie des Sciences, le 7 août 1843 // Annales de chimie. – Leipzick, 1843. – 3 me série, t. 8. – P. 425–477.

Musset A. de. Comédies et Proverbes. – Paris: Charpentier, 1840. – Т. 1. – 537 p.

[*Naquet A.J.*] Dictionnaire de chimie pure et appliquée. Par M[onsieur] A. Wurtz: [Revue] // Moniteur scientifique. – Paris, 1869. – Т. 11, livr. 291, 1 Februar. – P. 97–101.

Pasteur L. Oeuvres. – Paris: Masson & Co. Editeurs, 1939. – Т. 7. – 666 p.

Saint-Saëns C. Germanophilie. – Paris: Dorbon-Ainé, 1916. – 96 p.

Taine H. Essai sur Tite Live. – Paris: Hachette, 1856. – 348 p.

Wurtz G.A. Histoire des doctrines chimiques depuis Lavoisier jusqu'à nos jours: *Discours préliminaire*. – Paris: Hachette, 1868. – XCIV p.

References

Golubov, S. (1949). Nauka i revolyuciya. In *Novyyj mir* (9), 235–237. Moscow.

- Lucian of Samosata (2001). Kak sleduet pisat' istoriyu. In Lucian of Samosata. *Sochineniya* (pp. 81–99). Saint Petersburg: Aletejya.
- Musset, A. de. (1957). *Izbrannye proizvedeniya* (vol. 1). Moscow: Goslitizdat.
- Papava, M. (1948). Akademik Ivan Pavlov: Literaturnyj variant scenariya. In *Zvezda* (8), 87–135. Moscow.
- Papava, M. (1951). Akademik Ivan Pavlov. In *Izbrannye scenarii sovetskogo kino* (vol. 6), pp. 195–278. Moscow: Goskinoizdat.
- Petrov, B.D. (1949). O prepodavanií teorii sovetskogo zdravooхранения. In *Sovetskoe zdravooхranenie* (6), 3–6. Moscow.
- Trifonova, T. (1950). Znamenoscy mira i demokratii. In *Zvezda* (10), 169–177. Leningrad.
- Chekhov, A.P. (1980). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* (vol. 17). Moscow: Nauka.
- Churchill, C. (1761). *The Rosciad*. Dublin: [Unknown publisher].
- Davy, H. (1827). *Six Discourses Delivered Before the Royal Society at Their Anniversary Meetings*. London: J. Murray.
- Fénelon, F. de. (1716). Projet d'un Traité sur l'Histoire. In Fénelon F. de. *Reflexions sur la grammaire, la rhetorique, la poetique et l'histoire* (pp. 119–138). Paris: J.B. Coignard.
- Fustel de Coulanges, N.D. (1872, 1 septembre). De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans. In *Revue des deux mondes* (vol. 101), 241–251. Paris.
- Giesebricht, W. von. (1867, März). *Über einige ältere Darstellungen der deutschen Kaiserzeit: Vortrag in der öffentlichen Sitzung der kgl. Akademie der Wissenschaften am 28. München*: Akademische Buchdruckerei von F. Straub.
- Kolbe, H. (1872, Februar). Ein unbefangenes französisches Urtheil. In *Journal für praktische Chemie* (vol. 5, issue 1, 9), 23–27. Leipzig.
- Lewy, B. (1843). Recherches sur la composition de l'air atmosphérique: Mémoire lu à l'Académie des Sciences, le 7 août 1843. In *Annales de chimie* (vol. 8), 425–477. Leipzick.
- Musset, A. de. (1840). *Comédies et Proverbes* (vol. 1). Paris: Charpentier.
- [Naquet, A.] (1869, 1 Februar). Dictionnaire de chimie pure et appliquée. Par M[onsieur] A. Wurtz: [Revue]. In *Moniteur scientifique* (vol. 11, issue 291), 97–101. Paris.
- Pasteur, L. (1939). *Oeuvres* (vol. 7). Paris: Masson & Co. Editeurs.
- Saint-Saëns, C. (1916). *Germanophilie*. Paris: Dorbon-Ainé.
- Taine, H. (1856). *Essai sur Tite Live*. Paris: Hachette.
- Wurtz, G.A. (1868). *Histoire des doctrines chimiques depuis Lavoisier jusqu'à nos jours: Discours préliminaire*. Paris: Hachette.